

DOI: 10.25178/nit.2023.4.12

Статья

Онтические элементы как маркеры транслингвальности в стихотворениях Э. Мижита

Ольга А. Валикова, Владимир П. Синячкин, Шекер А. Кулиева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируются стихотворения тувинского поэта Э. Мижита (1961–2023), созданные на русском языке. Анализ производится с применением онтопоэтического подхода, когда объектом исследования выступает транслингвальный художественный текст (созданный автором не на родном языке), предметом — онтические элементы, позволяющие реконструировать отдельные фрагменты родной языковой картины мира автора, в данном случае — тувинской.

В художественном корпусе текстов выявлены онтические элементы «колыбельная», «Земля», «Небо», «юрта». Они рассматриваются как корреляты языковой картины мира тувинского этноса, в соответствии с которыми русскоязычный читатель получает возможность приобщиться не только к иному мировоззрению, но и к новому для себя мироощущению, основанному на иных ценностях, представлениях, предписаниях и культурных сценариях. Погружение в культуру тувинского этноса через поэтический текст — это опыт моделирования альтернативных читательских установок, выход за пределы «горизонта ожидания», диктуемого монолингвальной парадигмой.

Ключевые слова: транслингвизм; русскоязычное творчество; тувинская литература; тувинская поэзия; Эдуард Баирович Мижит; онтопоэтика; онтический элемент

Для цитирования:

Валикова О. А., Синячкин В. П., Кулиева Ш. А. Онтические элементы как маркеры транслингвальности в стихотворениях Э. Мижита // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 171–184. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.12>

Валикова Ольга Александровна — доктор наук (PhD), доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10. Эл. адрес: leka.valikova@mail.ru

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой и профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Эл. адрес: word@list.ru

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10. Эл. адрес: shekkul@mail.ru

VALIKOVA, Olga Alexandrovna, PhD, Associate Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: leka.valikova@mail.ru

SINYACHKIN, Vladimir Pavlovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Head, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: word@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-2098-6298

KULIYEVA, Sheker Avdievna, Candidate of History, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: shekkul@mail.ru

Ontic elements as markers of translanguality in E. Mizhit's poems

Olga A. Valikova, Vladimir P. Sinyachkin, Sheker A. Kulieva
RUDN University, Russian Federation

The article undertakes an analysis of the poems by the Tuvan poet E. Mizhit (1961-2023), composed in the Russian language. The analysis employs an onto-poetic approach, wherein the object of inquiry is a translanguaging artistic text (crafted by the author in a non-native language), and the focus is on ontic elements facilitating the reconstruction of discrete facets within the author's indigenous linguistic worldview, specifically that of the Tuvan.

Within the artistic corpus of texts, discernible ontic elements encompass "lullaby", "Earth", "Sky", and "yurt". These elements are construed as corollaries to the linguistic worldview of the Tuvan ethnic milieu, affording the Russian-speaking reader an avenue to acquaint themselves not merely with an alternative perceptual schema but also with a novel attitude grounded in distinct values, conceptions, mandates, and cultural paradigms. Immersion in the culture of the Tuvan ethnic group via poetic text constitutes an experiential emulation of alternative reader dispositions, transcending the "horizon of expectation" as dictated by the monolingual paradigm.

Keywords: translanguaging; Russian-language artistic production; Tuvan literature; Tuvan poetry; Eduard Bairovich Mizhit; onto-poetics; ontic element

For citation:

Valikova O. A., Sinyachkin V. P. and Kulieva Sh. A. Onticheskie elementy kak markery translingval'nosti v stikhotvoreniakh E. Mizhita [Ontic elements as markers of translanguality in E. Mizhit's poems]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 171-184. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.12>

Введение

В зоне нашего исследовательского интереса — поэтические тексты билингвального тувинского поэта Э. Б. Мижита (1961-2023¹), написанные им на русском языке. Такие тексты мы дефинируем как транслингвальные. Художественный транслингвизм — это практика создания литературного текста на языке, который не является для автора этнически первичным (в общепринятой терминологической традиции это L2, язык усвоенный). Репрезентацией транслингвальной модели на постсоветском пространстве является литература, создаваемая этнически нерусскими авторами на русском языке — русскоязычная, или русофонная. Такую литературу формирует обширный корпус текстов, создаваемых представителями огромного многообразия культур в «оболочке русского слова».

Тувинская поэзия на русском языке — это самобытный художественный космос, демиургами которого становятся поэты, чей эстетический дискурс формируется в пространстве взаимодействия родной культуры и языка не только с русским языком, но и с теми семиосферами, к которым он открывает доступ: русской и мировой литературой, историей, философией. Интенсивное развитие тувинской поэзии происходит в конце 1980-х годов, когда молодые авторы, стремящиеся создать новую эстетику, свободную от соцреалистического диктата, осуществляют первые эксперименты над формой и содержанием поэтического текста. Роман Лудуп, Эдуард Мижит, Борис Куулар, Артур Хертек, Урана Куулар, Сайлыкмаа Комбу — поэты, творчество которых сосредоточено на жизни «человека внутреннего» с его мироощущением, своеобразным восприятием действительности и попыткой осмыслить перемены «излома эпох». Одной из наиболее значимых фигур новой тувинской литературы стал Эдуард Мижит — «поэт мысли», чья лирика выходит за пределы «модуса созерцательности»

¹ Когда номер верстался, стало известно о кончине Э. Б. Мижита 29 ноября 2023 г. — ред.

к глубокому и всестороннему проникновению в «тут-бытие» (М. Хайдеггер) мыслящего субъекта (Валикова, Шагимгиреева, Кулиева, 2020; Мижит, 2022; Донгак, 2020; Дампилова, 2015 и др.). В отдельных статьях лирика Э. Мижита исследуется как транслингвальная: так, Л. П. Дианова анализирует функции заимствованной лексики в русскоязычных стихотворениях поэта (Дианова, 2021).

Будучи билингом, Э. Мижит творит как на родном тувинском, так и на русском языках. Нас интересуют произведения автора на русском языке (не являющиеся при этом автопереводами) с весьма конкретной исследовательской позиции: попытки установить корреляцию между «оболочкой русского слова» и этноспецифическим культурным содержанием, к которому это слово адресует нас в процессе интерпретации. Представляя собой усложненное знаковое поле, элементы которого соотносятся с двумя языковыми системами, транслингвальный художественный текст требует от исследователя адекватных подходов к анализу. Одним из таких подходов можно назвать онтопоэтический.

В русле онтологической поэтики — междисциплинарной области литературоведения, которая изучает онтические единицы — из образного тезауруса произведения отбираются те элементы, которые формируют «бытийную» его основу: «...онтологически ориентированный подход имеет достаточно ограничений для своего применения. Он нацелен на вполне определенный и весьма специфичный слой или уровень повествования, который скорее восстанавливается, реконструируется, нежели реально присутствует в материи текста. Условно говоря, это то, что присутствует, отсутствуя, то, что организует, не выдавая в себе воли организатора, то, что оставляет следы, скрывая облик того, кто эти следы оставил» (Карасев, 2005: 91).

Действительно, онтические элементы разного уровня как бы «просвечивают» сквозь транслингвальный текст, а их совокупность способна воссоздать художественную модель этнической действительности с ее этиологией, аксиологическими ориентирами, этнопоэтическими константами, телеологией, эталонными представлениями и базовыми для коллектива предписаниями.

Онтическим элементом выступает такая единица художественного текста, которая дает исследователю импульс к осмыслению мировоззренческого «склада» культуры. На уровне языковой системы это лексемы, которые участвуют в реконструкции языковой картины мира этноса не столько как номинации специфической атрибутики вещественного мира, сколько как «конденсаторы культурной памяти» (Лотман, 1992: 201) напрямую связанные с осмыслением этого мира бытийствующим субъектом, который и сам «произрастает» из родной культуры. Транслингвальный автор находится, соответственно, в «транспозиции»: прибегая в своем творчестве к словам другого языка, он привносит в них дополнительную семантику, коррелирующую с содержательным пространством образов родной культуры. Базовая для нас установка состоит в следующем: онтические элементы маркируют бытийственно значимые для этноса уровни и формы существования; они сообщают тексту дополнительное измерение, становятся «пунктирной линией» воспроизведения значимого культурного сюжета, лежащего в основе этого текста. В транслингвальном произведении онтические элементы могут быть выражены как в изофонной («звучащей», как элемент данной языковой системы), так и в экзофонной (вопреки графическому воспроизведению на языке-посреднике сохраняющей «звучание» другого языка) лексике. Мы попытаемся показать, как в транслингвальной поэзии Э. Мижита знаки русской языковой системы (при сохранении сигнификативного уровня) обретают амплифицированное¹ денотативное пространство.

Целью настоящего исследования является анализ отдельных онтических элементов в транслингвальных поэтических текстах Э. Мижита. Творческая фигура Э. Мижита — писателя, чьи произведения заложили основу эстетики новейшей тувинской литературы — активно исследуется современными литературоведами: М. А. Хадаханэ², Л. С. Дампиловой (Дампилова, 2015), Л. С. Мижит (Мижит, 2022), У. А. Донгак (Донгак, 2020), Л. П. Диановой (Дианова, 2021). Как считают исследователи, поэзия Э. Мижита, сосредоточенная на проблеме осмысления человеком себя и своего места в мире, содержательно многослойна, ассоциативна, интертекстуальна — и в то же время лаконична, синтаксически неизбыточна. Несмотря на различия в подходах к анализу поэтики Э. Мижита (так, Л. С. Мижит исследует лирику автора с герменевтической позиции; У. А. Донгак осмысляет ее в

¹ Амплификация — приращение смысла; в данном случае речь идет о генерации дополнительного денотативного измерения за счет того, что текст создан транслингвальным автором.

² Хадаханэ М. А. Странный поэт Мижит // Тувинская правда. 1994. 6 января. С. 4.

русле исторического и литературного процесса; Л. П. Дампилова изучает субъектную организацию произведений и их мотивную структуру; М. А. Хаданхэ интересуется сама феноменология творческой личности Э. Мижита; Л. П. Дианова рассматривает отдельные языковые элементы, участвующие в формировании транслингвальной картины мира), литературоведы отмечают новаторство поэта как в идейно-тематическом, так и в формальном воплощении текста. Впервые в тувинской поэзии рождается не просто «текст мысли», но полноценный метатекст художественного самоосмысления, непрерывной интроспекции, интеллектуального и экзистенциального поиска личности — поиска себя в пространстве себя же, самого человеческого предназначения, Бога. Тематическая сосредоточенность на внутренней жизни человека обусловлена и особенностями личности самого поэта, который с детства отличался немногословностью, замкнутостью и наблюдательностью. Лейтмотив его лирики — драматическое столкновение личности с самой собой. По мнению Э. Мижита, в мире существует лишь три великие тайны: Время, Бог и душа человека¹. «Попытка отгадки» (примечательно, что так называется и одно из стихотворений Э. Мижита) реализована в художественных текстах как на тувинском, так и на русском языке.

Тексты, созданные поэтом на русском языке, которые мы квалифицируем как транслингвальные, обладают определенными свойствами, отличительными для «транслингвального воображаемого» в целом. Анализируя избранные стихотворения Э. Мижита, мы установили, что вербализация концептов с этноспецифическим содержанием зачастую происходит в языке-трансляторе (в частности, русском) по законам знаковой асимметрии: в данном случае «нейтральный» с точки зрения языка-посредника сигнификат апеллирует более чем к одному денотативному уровню, что обусловлено «промежуточным» положением транслингвального автора между двумя семиотическими пространствами.

Материалом анализа послужили отдельные транслингвальные стихотворения тувинского поэта Э. Мижита из цикла «Время моей земли»².

Методологические основания

Мир сложнее, чем мы о нем думаем; попытки его таксономического распределения, фиксации и однозначной квалификации по конкретному качественному признаку непродуктивны. Не это ли предьявляет нам практика транслингвизма?

Когда билингвальный тувинский писатель Э. Мижит «мигрирует» между языками своего творческого овеществления, он не замыкается на одной из ипостасей своего культурно-лингвистического бытия, становясь «или тем, или другим». Транслингвальный писатель всегда «и то, и другое» — и в этом также проявлена ризоматичность его мышления и мировосприятия. Ризоматичность — это творческая (в частности) способность к расширению эстетического и концептуального репертуара моделирования мира, природа которой обусловлена органичным сосуществованием в нескольких языковых системах. И транслингвальный писатель в этом смысле «номад»: перемещения по априори открытому пространству (в частности, семиотическому) чередуются с циклическими «возвращениями» к лично- и этнически значимому, сакральному, которое всегда «с собой», как у кочевников с собой мобильное жилище — юрта, «дом бытия».

Транслингвальная литература, как полагают исследователи (Weininger, 2016; De Donno, 2021; Rahimi, 2019; Dorfman, 2021; Kellman, 2019), преодолевает само понятие «родины», порождая новый тип идентичности — внеэтнической и надтерриториальной. Смыслообразующий потенциал транслингвальной литературы неисчерпаем: ресурсная «гибридность», используемая авторами в процессе творческого письма, расширяет экспрессивное поле усвоенного языка и обогащает мировую литературу (Pu, Li, 2019: 257). Действительно, через язык-посредник транслируются элементы иной этноязыковой картины мира, которая органически «вписывается» в материю этого языка.

Осмысляя феномен транслингвизма, М. Сорвари прибегает к метафоре «on both sides», подчеркивая, что транслингвальная практика — это особый литературный стиль по обе культурные стороны

¹ Из личной беседы О. А. Валиковой с поэтом 14.04.2021 г.

² Мижит Э. Время моей земли [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения: 02.05.2023).

(Sorvari, 2018: 158). Карибский исследователь Л. Альворадо полагает, что «природная идентичность» — культурная идентичность автора — преодолевает догмат языка-посредника: исходные язык, религия, культура разыгрываются даже в произведениях космополитического «звучания» (Alvarado, 2010: 50).

Обзор исследовательской литературы, посвященной транслингвизму, позволяет дифференцировать несколько подходов к дефиниции этого феномена: он рассматривается как творческое кросскультурное письмо (Pu, Li, 2019); функциональный выбор языка из би- или полилингвального репертуара автора (Kellman, 2019); литературный стиль, связывающий смысловые поля двух культур (Sorvari, 2018); способ ретрансляции культурных смыслов через усвоенный язык (Alvarado, 2010) (подробнее о подходах к определению термина «транслингвизм» см.: Бахтикиреева, Валикова, Токарева, 2021). Несмотря на отсутствие единого подхода к определению транслингвизма, исследователи сходятся в том, что преодоление замкнутости монолингвального мышления приводит к созданию эстетической действительности культурного и языкового многообразия.

Итак, художественный транслингвизм представляет собой интеллектуальное функционирование языковой личности, являющейся генетическим носителем одного языка, на другом языке — усвоенном. Как пишет в своих исследованиях профессор С. Келлман, «I define literary translanguaging as the phenomenon of writers who create texts in more than one language or in a language other than their primary one. The multinational, multicultural, multilingual Russian Federation is a natural incubator for translanguaging literature» («Я определяю художественный транслингвизм как феномен писателей, создающих тексты более, чем на одном языке или на языке, который не является для них первичным. Многонациональная, многокультурная и многоязычная Российская Федерация — естественный инкубатор транслингвальной литературы») (Kellman, 2019: 342; перевод наш. — *Авт.*).

В силу ряда экстралингвистических факторов русскоязычие стало доминирующей овнешняющей реальностью бытования литератур большей части постсоветского пространства. Зона трансляции культурных смыслов в этом случае расширяется, что позволяет творческой языковой личности в большей степени задействовать силу культурной индукции на коллективного адресата.

Мы должны учитывать, что термин «транслингвизм» в определенной степени гиперонимичен; русскоязычие целесообразно рассматривать как гипоним в сложившейся родовидовой классификации. Однако к термину «русскоязычие» современные исследователи (в частности, У. М. Бахтикиреева, И. С. Хугаев, Э. Ф. Шафранская и другие) относятся критически, ведь «русские писатели, классики и современники, как и создающие свои произведения на русском этнически нерусские авторы, владеющие этническим (материнским / “родным”) языком, вполне могут быть классифицированы как русскоязычные» (Бахтикиреева, 2021: 12). Учеными подчеркивается и нелогичность термина «русскоязычный писатель»: «Картина мира таких “русскоязычных” авторов была сформирована вне зоны русской культуры, с детства они говорили на своих родных языках, не на русском. Однако социокультурный бэкграунд подвиг их к освоению русского языка, который стал языком их литературного творчества» (Шафранская, 2023: 58).

Еще более значимым в рамках нашего подхода становится вывод:

«В конце существования советской империи многие писатели поспешили отмежеваться от русской литературы, “встроив” себя в нишу какой-либо национальной литературы. Но языком их творчества по-прежнему является русский. Это больше говорит не о писателях, а о русском языке: он вне границ; никакое государство не вправе считать его своей собственностью, язык безграничен, он в моральном и этическом плане выше политики, деяний и чаяний чиновников; язык — некая субъектность, находящаяся на высшей ступени условной гуманистической шкалы» (Шафранская, 2023: 58).

Он созвучен базовой установке У. М. Бахтикиреевой, в соответствии с которой русский язык выполняет культурно-цивилизационную функцию:

«Мы не воспринимаем русский (как и любой другой “имперский”) язык как “культурную бомбу”, потому что он дает нам возможность окунуться в мир невероятного культурного многообразия: приобщиться к жизненному космосу абхазов и грузин, украинцев и белорусов, молдавцев, чукчей, манси, нивхи и многих, многих других. Через произведения этнически нерусских авторов мы познаем универсум других народов, их самобытные культуры, их способы вживания в природную действительность и “вещный” мир» (Бахтикиреева, Валикова, Токарева, 2021).

В качестве альтернативного определения У. М. Бахтикиреева предлагает термин «руссофония», «руссофонная литература» (Бахтикиреева, 2021). Подразумевается, что в оболочке русского слова (в буквальном смысле — «звучащего, как русское») в художественном тексте репрезентированы образы

мира, апеллирующие к национальной культуре того или иного писателя. Обе языковые картины мира — исходная, этническая, и русская — контаминируются¹ (подчеркнем особо, что в данном случае речь идет о *внутритекстовой*, а не когнитивной контаминации), в результате чего рождаются новые образы мира, эстетически усложненные и аутентичные. Эти образы мира, запечатленные в лексемах языка-посредника, мы называем онтическими элементами текста.

Транслингвальная практика русскоязычных писателей постсоветского пространства — это наглядное преодоление тезиса о том, что индивид способен осознавать лишь один слой культуры, в то время как заимствование элементов из одной лингвосистемы в другую приводит к появлению ущербных в своей вторичности образов. Между семиотическими полями разных культур функционирует механизм *трансфера*² — комплексного переноса определенного концепта во всей его когнитивной, эмоциональной и культурной сложности из одного культурного тезауруса в другой. В другую культуру (и стоящий за ней текст) транспортируется уникальное (зачастую сенсibiliческое) понятие, маркирующее аутентичное этническое миропостижение. Зачастую такие понятия являются семантически не коррелятивными для другой культуры. Отсутствие понятия в усвоенном языке предполагает и отсутствие его номинации: транслингвальный автор переносит в создаваемый текст целостный концепт, который выступает единицей иной этнокультурной и языковой картины мира. Происходит вербализация «национальных образов мира» (Гачев, 1988), которую не следует, на наш взгляд, приравнивать к заимствованию. И если моноязычный читатель «видит» в подобных единицах ксенонимы, с точки зрения авторской интенции они таковыми не являются. Однако трансфертирование может происходить и имплицитно. Слово, «узнаваемое» читателем как «русское», вбирает в собственный семантический комплекс альтернативные культурные значения и смыслы. Если переноса внешнего уровня лексемы в знаковую реальность произведения не происходит, то внутренний уровень (денотативный) трансфертируется, и изофонные лексемы уже внутри своей семантической структуры атрибутируются дополнительным ярусом: к триаде «архисема — дифференциальные семы — потенциальные семы» привносится уровень «конвенциональные семы», то есть те компоненты содержания, которые не только условны, но и обязательны в процессе интерпретации текста.

Таким образом, онтические элементы транслингвального художественного текста могут быть представлены как изофонной, так и экзофонной лексикой.

Онтические элементы в транслингвальных стихотворениях Э. Мижита

Рассмотрим отдельные онтические элементы в стихотворениях Э. Мижита на русском языке. Сосредоточимся на изофонных лексемах (то есть словах, «звучащих, как русские», но коррелирующие с инокультурным уровнем содержания), которые участвуют в воссоздании этноспецифических образов мира и сообщают художественному тексту культурную и бытийственную многомерность. Как исследователи особого художественного дискурса, мы должны видеть за любым элементом транслингвального текста его потенциальную «неравность» самому себе и «подключенность» сигнификата к более чем одному денотативному уровню. Учитывая тот факт, что поэтический текст представляет собой «сгусток смыслов», селекция художественных элементов которого всегда тщательно продумана, сами эти элементы обретают, как правило, онтическую нагрузку. Онтическая нагрузка — наличие бытийно-значимого пласта художественного элемента, который, как и любой эстетический феномен палимпсестной природы, восходит к генетическому праобразу культуры. В транслингвальном тексте онтический элемент — своего рода ключ к «инобытию» — однако, и в этом заключается определенное методологическое затруднение, зачастую он лишен проявленной этноспецифической маркированности.

Э. Мижит вошел в литературу (причем литературу не только тувинскую, но и российскую) как носитель уникального поэтического голоса, причем голоса «на языке двуостром» (М. Цветаева). Когда на русском языке творят такие писатели, как Э. Мижит, они не стремятся к аттракции читателя

¹ Под контаминацией мы подразумеваем взаимоналожение семантических «сеток» двух языковых систем, элементы которых не смешиваются.

² Бахтириеева У. М. Трансфер [Электронный ресурс] // Дружба народов. № 12. 2009. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2009/12/transfer-transfer.html> (дата обращения: 18.05.2023).

намеренным воссозданием «экзотического колорита» инобытия, привлекательной для аудитории сюжетно-лингвистической упаковки текста. Читатель — это равноправный со-участник творчества, которому предоставлена (доверена!) возможность посмотреть на мир с помощью более совершенной оптики. На это, в частности, указывает в своих исследованиях творчества Э. Мижита Л. С. Мижит (Мижит, 2022).

Сам Эдуард Баирович Мижит в ходе нашего интервью рассказал о своем двуязычии следующее:

«Я с самого детства говорю на двух языках. Отец, учитель русского языка, все время разговаривал со мной по-русски, в первый класс я пошел учиться в школу-интернат, где были классы для детей чабанов и классы для сирот. Я был в классе для сирот, где учились и тувинцы, и русские, а преподавание велось на русском языке. Таким образом, я вначале не понимал, что, говоря по-русски, я говорю не на родном языке. Понимание пришло позже, но оно не коснулось внутреннего ощущения. Видимо, из-за этого для меня не особенно остро стоял вопрос о выборе языка <...> Я вырос без ощущения, что русский язык для меня не «материнский», так что и аккумуляция, и трансляция моей культурной самости одинаково получается на обоих языках, и оба языка гармонично соединяются в моем жизненном пространстве. Это просто так получилось по жизненным обстоятельствам, независимо от моих желаний и предпочтений. А поскольку я сын своего народа, этнокультурный слой, безусловно, и в моих русскоязычных текстах всегда где-нибудь, да и проявляется, и так должно быть, и это хорошо. Но я считаю, что замыкаться только в рамках своей этнокультурной идентичности губительно для всякого писателя. Говоря об эмоциональной составляющей в произведениях на разных языках, должен отметить, что и в тувиноязычной, и в русскоязычной лирике для меня главное — мысль, мысль, порождающая соответственные эмоции. Я считаю, что мысль и чувство в поэзии должны быть сплавлены воедино, как разные слои металла в дамасской стали» (Валикова, 2021: 220).

Рассуждая о новаторстве Э. Мижита в поэзии, У. А. Донгак отмечает, что владение двумя языками позволяет писателю обращаться к читателю напрямую, без авторского перевода:

«Новаторство поэта Э. Мижита проявилось прежде всего в том, что он стал первым поэтом, заговорившем на русском языке — языке, открывающем тувинское поэтическое слово для других народов. В тувинской литературе 1970-е были отмечены опытом использования русского языка как языка поэтического творчества (Сергей Пюрбю, Игорь Иргит). Но такой феномен двуязычного творчества, когда писатель при создании произведения каждый раз выбирает язык художественного самовыражения и уровень владения обоими языками (родным тувинским и русским) очень высок, в тувинской литературе связан с именем Эдуарда Мижита» (Донгак, 2020: 469).

В транслингвальном поэтическом дискурсе Э. Мижита встречаются безэквивалентные для русской ЯКМ лексемы, такие, как *каргыраа*¹. Тем не менее, в процессе анализа художественных текстов тувинского поэта мы оспариваем тезис, выдвинутый Л. С. Дампиловой: в поэзии [Мижита] «иначе кодируется весь мир носителя “азиатского” сознания и естественной становится утеря национальных художественных образов» (Дампилова, 2015: 196). Действительно, вербальные репрезентанты инобытия (слова, которые попали бы под квалификацию «экзотизмов» для русского читателя), в транслингвальной лирике Э. Мижита нечастотны. Например, в стихотворении «Место, где Бог»² читаем:

Говорят, что ты — колыбель народов,
но для меня ты —
моя колыбель,
и колыбельная песня мамы моей,
отзвук которой так ясно слышен
в смехе моей дочурки.

Говорят, что ты
проста, как загадка,
но для меня ты —
таинственный звук каргыраа,
звук, в котором Небо с Землей
ищут друг друга, тоскуя,

¹ Вид тувинского горлового пения *хөөмей*, позволяющий извлекать нижние звуки.

² Мижит Э. Время моей земли [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения 02.05.2023).

и встречаются здесь —
 в душе человека.
 Говорят, что ты
 настолько древняя,
 что не помнишь уже о прошлом,
 но для меня ты —
 сундук моих предков,
 полный тревожных и сладких
 запахов снов и мечтаний
 о далеком прошлом
 и...

Основной массив лексики в тексте имеет статус нейтральной (изофонной) для русского языка (ауру иноязычия в диахроническом масштабе утратили и тюркизмы, ставшие «невидимыми» (Синякин, 2011)). Однако, мы не можем не задаться вопросом: каким будет денотативный уровень русского в своем овеществлении сигнификата? Учитывая этническую принадлежность автора к исходной культуре, мы должны признавать и тот факт, что корреляция между формой и содержанием языкового знака будет происходить по несколько иным законам, чем те, что функционируют в монолингвальном дискурсе. Возникающая в процессе семиозиса ассиметрия языкового знака выражается, вероятно, и в том, что сигнификат в транслингвальном тексте получает альтернативное денотативное наполнение.

Онтический элемент «колыбельная»

Когда Э. Мижит пишет в своем стихотворении «Место, где Бог» о том, что Тува для него «колыбельная песня мамы моей», о какой колыбельной идет речь? Русская лексема «колыбельная» в данном случае адресует нас (вопреки закону изоморфизма!) к этноспецифическому — тувинскому — денотативному уровню. Об этом свидетельствуют не только факты языковой биографии поэта, зафиксированные нами в интервью (с русским языком Э. Мижита познакомил отец), но и уровень внутритекстовой корреляции «Колыбельная = Тува». Колыбельная, таким образом, становится не только номинацией архетипического (следовательно, универсального для человечества) жанра, но и репрезентацией глубоко сакрального этноспецифического уровня смысла.

По данным Е. Л. Тирон, родовым жанровым определением колыбельных песен для тувинцев является *өпей ыры* (Тирон, 2022: Электр. ресурс), который нельзя в строгом смысле перевести как «колыбельная» (по-тувински колыбель — *кавай*; тем не менее, в жанровой номинации внутренняя форма данного слова не проявлена). Автор приходит к выводу, что адекватным переводом имени жанра может служить «баюкальная песня» (там же). При этом различные глагольные формы, происходящие от основы *өпей*, наделены семантикой «баюкать» и «вздыхаться, вырастать», что объясняется пожелательным значением такой песни: вырасти. Заклинательный характер баюкальной песни, интенсифицированный многократными повторами, сходен со скотоводческими заговорами приучения самки к детенышу. Кроме того, тувинским баюкальным песням, как пишет Е. Л. Тирон, свойственна особая тембровая подача — горловое пение *өпей хөөмей* (в мужской традиции) и «болтанье языком» (*дылын булгап өпейлээр*) (там же).

Импровизационная природа жанра объясняет отсутствие четкой строфики и равновесного силлабизма. Более развитым поэтическим текстом отличаются колыбельные песенного типа. Наряду с позитивными обращениями к ребенку активно применяются вокативы с негативной семантикой (например, *багай уруум* ‘плохая / плохонькая дочка’), несущей охранительную функцию.

«Иногда в текстах колыбельных песен появляется обеспокоенность за обеспеченность будущей жизни ребенка: *Аът чокка, оой, чүнү мунар, оой!* ‘Коня нет, ой, как же будет ездить, ой!’; *Идик чокка, оой, чүнү кедер, оой!* ‘Обуви нет, ой, что же будет носить, ой!’» (Тирон, 2022).

По мнению Н. М. Кондратьевой и Г. Б. Сыченко, знакомство ребенка с интонационным миром этнической культуры происходит именно посредством колыбельной (Кондратьева, Сыченко, 1997: 282).

Мы привели данные рассуждения не случайно. Несмотря на то, что колыбельная представляет собой архетипический жанр, имеющий универсальные черты, его этноспецифическая репрезентация вариативна и в каждой культуре обретает собственные аутентичные параметры, обусловленные самим жизненным положением народа, его представлениями о мире, способами вживания в действительность и взаимодействия с природой. Природа же для тувинского народа является неизменно одухотворенной даже в контексте новейшего «прогрессивного» времени. Таким образом, в «колыбельной» как онтическом элементе реализуется весь комплекс значений, важных для Э. Мижита как для сына своего народа. Это песня памяти; песня, созвучная самому ритму культуры, рожденная в ее импровизационном, стихийном «порыве»; песня, призванная не только ввести человека в интонационный мир этноса, но и познакомить его с принципами жизни, выработанными столетиями, уберечь, направить, научить.

Онтические элементы «Земля» и «Небо»

В цикле стихотворений «Время моей земли» онтическими элементами, как мы упоминали выше, зачастую выступают «нейтральные» с точки зрения русского языка элементы. В стихотворении «Место, где Бог»¹ (2006), видим:

Говорят, что ты
проста, как загадка,
но для меня ты —
таинственный звук каргыраа,
звук, в котором Небо с Землей
ищут друг друга, тоскуя,
и встречаются здесь —
в душе человека.

Обратимся сейчас к словам «Небо» и «Земля». Их написание с заглавной буквы — уже графический признак особой акцентуации смысла (о роли графики как одного из маркеров транскультурного текста см.: Шафранская, 2023). Это прием не-называния божественного *прямо* путем апелляции к универсальной номинации. Тем не менее, мы понимаем, что становимся свидетелями извечной космогонии, разворачивающейся в душе носителя особого типа мировосприятия. Э. Мижит не только прекрасно владеет мифологическим материалом и умеет его анализировать; он активно преобразует его в своем творчестве. В процессе своей исследовательской деятельности Э. Мижит приходит к концептуально значимым для себя (и как для ученого, и как для поэта) выводам:

— древние тувинцы полагали, что мир был создан Богом-творцом (Денгером, тюрк. *Тенгри*), который породил все сущее, в том числе небожителей и людей;

— Вселенная трехслойна; триединство Верхнего, Среднего и Нижнего миров лежат в основе сакральной символики чисел и жанров тувинского народа (например, *ожук дажы*, «камни очага»);

— в представлениях тувинских шаманов, мир был создан живым: мыслящими и чувствующими существами являются все элементы бытия, от человека (*кижи*), носителя *души-сунесин*, до деревьев, камней и воды, имеющих своих духов-хозяев. Отсюда — преклонение тувинцев перед природой и наличие в традиционной шаманской культуре тувинцев обрядов освещения источников, перевалов и т. д.

— весь мир есть единый живой организм, внутри которого все взаимосвязано (Мижит, 2011: 198-203).

Онтические элементы «Небо» и «Земля» апеллируют в данном случае к тенгрианским воззрениям тувинского народа, которые по сей день остаются для него бытийственно значимыми.

¹ Мижит Э. Место, где Бог. [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения 02.05.2023).

Онтический элемент «сундук»

Еще один изофонный онтический элемент в цикле Э. Мижита представлен лексемой «сундук»:

Говорят, что ты
настолько древняя,
что не помнишь уже о прошлом,
но для меня ты —
сундук моих предков,
полный тревожных и сладких
запахов снов и мечтаний
о далеком прошлом
и будущем¹.

Называя Туву «сундуком моих предков», поэт «подталкивает» читателя к размышлению о том, почему именно сундук становится метафорой памяти о прошлом и мысли о будущем. По сведениям сотрудников Национального музея Республики Тыва Ч. Оржежик и У. Нурзат, тувинский сундук — не одиночный элемент интерьера; сундуки всегда были парными. Располагаясь в самом почетном месте юрты — *дөр* (напротив входа), они служили не только украшением интерьера, но и хранилищем самого ценного для человека: его одежды, предметов, наделенных сакральной символикой, документов. Как правило, сундуки *аптара* и *шургуулда* изготавливались из особого типа древесины и украшались зоо- и фитоморфным орнаментом. Сундук — не только метафора памяти; именно в сундуках бережно хранились важные для человека предметы (одежду, украшения, документы)².

Онтический элемент «юрта»

Особый пространственно-темпоральный код проявлен в стихотворении «Весна — снова — здесь»:

Вот и снова,
в который уж раз,
я чувствую всем существом,
что любое мгновение на этой земле
является нотой,
без которой бессмысленна
и дисгармонична
бесконечная песня
веков,
и только лишь надо
склониться пред нею с почтеньем,
войти в ее **юрту**,
попить с ней горячего чая
и вникнуть в ее простые слова,
чтобы она
открыла тебе свою душу
чистейшим и неповторимым
звучаньем³.

¹ Мижит Э. Место, где Бог [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения 02.05.2023).

² Оржежик Ч., Нурзат У. Тувинская коллекция. Секреты сундуков [Электронный ресурс] // МК.РУ. 2018, 31 января. URL: <https://www.mk-tuva.ru/articles/2018/01/31/tuvinskaya-kollekciya-sekrety-sundukov-aptaranyn-chazhyttary.html> (дата обращения: 06.05.2023).

³ Мижит Э. Весна — снова — здесь [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения 02.05.2023).

«Юрта» — слово, усвоенное системой русского языка и восходящее к общетюркскому *jurt* («народ», «пастбище») в тувинском языке имеет собственную номинацию *өг*, которая входит в состав слова *өг буле* («семейный») (Тувинцы. Родные ..., 2022: 118–137; Өвүс. Возвращение ..., 222).

Для всего цикла «Время моей земли» (как и для цикла «Бусинки столетий») характерно использование дейктических элементов «здесь», «тут», «это место». «Здесь» — это Тува; «здесь — это “весна”». Тува — пространство бесконечного жизненного обновления (неслучайно весну приветствует «первой жизни ягненок»).

В то же время элементы «тут», «здесь» могут быть рассмотрены и как маркеры «тут-бытия» как особого философского модуса. По М. Хайдеггеру, «тут-бытие» (*Dasein*) есть осмысленное присутствие человека в мире, предполагающее его включенность во время, пространство и сосуществование с другими индивидуальными сознаниями (Heidegger, 1996).

У Э. Мижита это переживание жизни «здесь и сейчас», неслучайно мотивно связано с важнейшим для тувинской культуры концептом *өг* «юрта» как архетипической репрезентацией Дома. Символика юрты в стихотворении Э. Мижита уникальна. В чью юрту нужно войти с почтением, чтобы приобщиться к сокровенному знанию? В «юрту песни»:

... и дисгармонична
бесконечная **песня**
веков,
и только лишь надо
склониться пред нею с почтеньем,
войти в ее **юрту**,
попить с ней горячего чая
и вникнуть в ее простые слова...¹

Синтаксическое оформление стихотворения, установление семантических связей между элементами целого показывает, что это юрта «песни веков», иначе не стоило бы «вникать» в ее слова.

Это песня, которая в космологии Э. Мижита рождается и *живет* в единственном месте — в сердце человека *творящего*. Сердце, таким образом, становится имплицитной метафорой юрты: юрта — не просто репрезентация макрокосма, но и само сердце жизни.

Выстраивается семантический ряд соответствий: «Весна» = «Тува» = «юрта». Юрта выступает у Мижита метафорой Тувы, и это закономерно: именно юрта, созданная кочевником как особый микрокосмос (Байыр-оол, 2013), архитектурно и идейно воплощает мировоззренческие представления тувинцев о мире.

Заключение

Таким образом, как мы попытались показать в настоящем исследовании, онтическими элементами транслингвального художественного текста могут выступать и нейтральные (изотипичные) лексемы, которые продолжают активно транслировать вовне этноспецифические смыслы. Следовательно, говорить об утрате культурного содержания в русском (на уровне языкового воплощения) художественном тексте нецелесообразно. Транслингвальный текст — это, в первую очередь, *текст культуры*, и в этом его ценность для всего *диалогического пространства* его функционирования.

Э. Мижит, новаторство которого в тувинской литературе проявлено, в частности, и в творческой реализации на двух языках (тувинском и русском), создает «прозрачные» на первый взгляд произведения, палимпсестная природа которых не эксплицируется напрямую через сигнификаторы транслингвальности. В рассмотренных нами текстах практически не представлено экзофонных элементов, которые выступали бы «диагностирующими» маркерами транскультурной эстетики. Тем не менее, мы видим, что этноспецифическим содержанием наполняются и «нейтральные» (изофонные) в русском языке слова: будучи проявленными в русской языковой оболочке, они, тем не менее, апел-

¹Мижит Э. Весна — снова — здесь [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения 02.05.2023).

лируют к альтернативному (то есть не предзаданному семантической системой русского языка и культуры) содержанию, сообщаемому с пространством культуры этнической (тувинской).

Маркером транслингвального художественного текста выступают не только экзофонные слова, но и общеупотребительные в языке-посреднике лексемы, концептуальное содержание которых раскрывается при условии, что исследователь руководствуется установкой: транслингвальный автор априори подключен к нескольким семиотическим «полям», архетипически «первичным» из которых неизменно выступает поле родной культуры. Игнорировать этот факт — значит, допустить герменевтическую ошибку в истолковании транслингвального эстетического феномена.

Мы попытались проиллюстрировать наши наблюдения на примере отдельных онтических элементов в избранных стихотворениях современного тувинского поэта Э. Мижита, рассмотрев слова «колыбельная», «Земля», «Небо», «сундук», «юрта» как онтические элементы. Несмотря на то, что вербализация в русском языке сообщает им «статус» нейтральных (изофонных, звучащих, как уз-альные слова русского языка), денотативный уровень каждого из выбранных знаков соотносится с тувинским мировосприятием, тувинской культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байыр-оол, М. С. (2013) Юрта в тувинской традиционной культуре // Новые исследования Тувы. № 2. С. 67–79.
- Бахтикиреева, У. М. (2021) Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. 18. Вып. 1. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-1-11-17>
- Бахтикиреева, У. М., Валикова, О. А., Токарева, Н. А. (2021) На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 264–273. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>
- Валикова, О. А. (2021) Cōgitō, ergo sum: интервью с Эдуардом Мижитом // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 2. С. 216–223. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223>
- Валикова, О. А., Шагимгиреева, Б. Е., Кулиева, Ш. А. (2020) Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. № 4. С. 230–249. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
- Гачев, Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М.: Советский писатель. 450 с.
- Дампилова, Л. С. (2015) Феномен билингвизма в современной поэзии народов Сибири // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 196–202.
- Дианова, Л. П. (2021) Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 2. С. 194–206. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206>
- Донгак, У. А. (2020) Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 17. № 4. С. 462–474. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>
- Карасев, Л. В. (2009) Флейта Гамлета. Очерк онтологической поэтики. М.: Знак. 208 с.
- Кондратьева, Н. М., Сыченко Г. Б. (1997) Алтайцы: алтай-кижи, теленгиты, телёсы, телеуты, тубалары, чалканцы, кумандинцы // Музыкальная культура Сибири: в 3 т. / гл. ред. Б. А. Шиндин. Новосибирск: Сибирский тракт. Т. 1. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. 347 с. С. 209–283.
- Өвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / составители: Ч. К. Ламажаа [и др.]; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл: б. и. 85 с.
- Лотман, Ю. М. (1992) Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра. 479 с.
- Мижит, Л. С. (2022) Философская лирика Эдуарда Мижита // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 19. № 3. С. 521–532. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532>
- Мижит, Э. Б. (2011) Древняя тувинская космология и Тенгрианство // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы III Международной научно-практической конференции / гл. ред. Л. С. Мижит. Абакан: Хакасское книжное издательство. 339 с. С. 197–207.
- Синячкин, В. П. (2011) Историко-культурный слой тюркизов в русском обыденном сознании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 4. С. 85–95.
- Тувинцы. Родные люди (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История. 344 с.

Тиرون, Е. Л. (2022) Колыбельные тувинцев: по экспедиционным материалам Новосибирской консерватории и Института филологии СО РАН // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 1. Вып. 43. С. 22–31. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2022-1-22-31>

Шафранская, Э. Ф. (2023) Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 20. № 1. С. 55–65. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-1-55-65>

Alvorado, L. Y. (2010) Beyond Nation: Caribbean Poetics in Pedro Pietri's "Puerto Rican Obituary" And Kamau Brathwaite's "Islands and Exiles" // *Centro Journal*. № 22 (2). P. 50–73.

De Donno, F. (2021) Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada // *Journal of World Literature*. № 6 (1). P. 103–122.

Dorfman, D. (2021) The Weight of National Identity. Nation And Tradition of Translingual Writers // *Linguistica Y Literatura*. № 80. P. 69–81.

Heidegger, M. (1996) *Being and Time*; translated by Joan Stambaugh. State University of NY Press. 487 p.

Kellman, S. G. (2019) Translingual Writers: Introductory Notes // *Polylinguality and Transcultural Practices*. № 16 (1). P. 9–12. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>

Pu, R. Q., Li, H. F. (2019) The Translingual Expressions in Overseas Chinese English Writings // *Interdisciplinary Studies of Literature*. № 3 (2). P. 257–271.

Rahimi, A. (2019) Writing Exile // *Journal for Cultural Research*. №. 23 (2). P. 215–219.

Sorvari, M. (2018) Altering language, transforming literature: Translingualism and literary self-translation in Zinaida Linden's fiction // *Translation Studies*. № 11 (2). P. 158–171.

Weininger, M. (2016) Language Politics: The Boundaries of Homeland and Translingual Israeli Literature // *Studies in The Novel*. № 48 (4). P. 477–493.

Дата поступления: 22.07.2023 г.

Дата принятия: 06.09.2023 г.

REFERENCES

Baiyr-ool, M. S. (2013) Iurta v tuvinskoj traditsionnoj kul'ture [The yurt in traditional Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 67–79. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2021) Rusofon – rusofonnyj – rusofoniia – rusofonnaia literatura – slova global'nye ili lokal'nye? [Russophone – Russophonous – Russophone – Russophonous literature – are the words global or local?]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, vol. 18, issue 1, pp. 11–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-1-11-17>

Bakhtikireeva, U. M., Valikova, O. A. and Tokareva, N. A. (2021) Na «Agora» segodnia: podkhody k izucheniiu translingval'noi literatury [At "Agora" agenda today: approaches to the study of translingual literature]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6, pp. 264–273. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>

Valikova, O. A. (2021) Cōgitō, ergo sum: interv'iu s Eduardom Mizhitom [Cōgitō, ergo sum: Interview with Eduard Mizhit]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 2, pp. 216–223. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223>

Valikova, O. A., Shagimgereeva, B. E. and Kulieva, Sh. A. (2020) Kosmos v logose: translingval'naia poeziia Eduarda Mizhita i Bakhyta Kairbekova [Cosmos in Logos: Translingual Poetry by Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 230–249. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>

Gachev, G. D. (1988) *Natsional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 450 p. (In Russ.).

Dampilova, L. S. (2015) Fenomen bilingvizma v sovremennoj poezii narodov Sibiri [The phenomenon of bilingualism in the modern poetry of the peoples of Siberia]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 196–202. (In Russ.).

Dianova, L. P. (2021) Funktsii zaimstvovannoi leksiki v tekstakh bilingval'nogo avtora [Functions of Borrowed Vocabulary in Literary Texts by a Bilingual Author]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 2, pp. 194–206. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206>

Dongak, U. A. (2020) Novatorstvo pisatel'ia-bilingva Eduarda Mizhita (tuvinskaia poeziia) [New Poetic Methods in the Literary Imagination of the Bilingual Writer Eduard Mizhit (Tuvan Poetry)]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 17, no. 4, pp. 462–474. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>

Karasev, L. V. (2009) *Fleita Gamleta. Ocherk ontologicheskoi poetiki* [Hamlet's flute. An essay on ontological poetics]. Moscow, Znack. 208 s. (In Russ.).

Kondrat'eva, N. M. and Sychenko G. B. (1997) Altaitsy: altai-kizhi, telengity, telesy, teauty, tubalary, chalkantsy, kumandintsy [Altaians: Altai-Kizhi, Telengites, Teles, Teleutes, Tubalars, Chelkans, Kumandins]. In: *Muzykal'naiia kul'tura Sibiri* [Musical culture of Siberia]: in 3 vol. / editor-in-chief B. A. Shindin. Novosibirsk, Sibirskii trakt. Vol. 1. Book 1:

Traditsionnaia kul'tura korennykh narodov Sibiri [Traditional culture of the indigenous peoples of Siberia]. 347 p. Pp. 209-283. (In Russ.).

Öövüs. *Vozvrashchenie tuvinskoi iurty [Öövüs. Return of the Tuvan yurt]* (2022) / comp. by Ch. K. Lamazhaa et al.; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1992) *Izbrannye stat'i. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Selected articles. Vol. 1. Articles on semiotics and typology of culture]*. Tallinn, Aleksandra. 479 p. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2022) Filosofskaia lirika Eduarda Mizhita [The Philosophical Lyrics of Eduard Mizhit]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 19, no. 3, pp. 521–532. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532>

Mizhit, E. B. (2011) Drevniaia tuvinskaia kosmologiia i Tengrianstvo [Ancient Tuvan Cosmology and Tengrianism]. In: *Tengrianstvo i epicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost' [Tengrianism and the Epic Heritage of the peoples of Eurasia: Origins and Modernity]*. Materials of the III International Scientific and Practical Conference / editor-in-chief L. S. Mizhit. Abakan, Khakass Book Publishing House. 339 p. Pp. 197–207. (In Russ.).

Siniachkin, V. P. (2011) Istoriko-kul'turnyi sloi tiurkizmov v russkom obydennom soznanii [The historical and cultural layer of Turkisms in the Russian everyday consciousness]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, no. 4, pp. 85–95. (In Russ.).

Tuvinty. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Peresburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Tiron, E. L. (2022) Kolybel'nye tuvintsev: po ekspeditsionnym materialam Novosibirskoi konservatorii i Instituta filologii SO RAN [Lullabies of Tuvans: based on the field materials of the Novosibirsk Conservatory and the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 1, issue 43, pp. 22–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2022-1-22-31>

Shafranskaia, E. F. (2023) Bukvy, pamiat', iazyk: o russkoi transkul'turnoi literature [Letters, Memory, Language: about Russian Transcultural Literature]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 1, pp. 55–65. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-1-55-65>

Alvorado, L. Y. (2010) Beyond Nation: Caribbean Poetics in Pedro Pietri's "Puerto Rican Obituary" And Kamau Brathwaite's "Islands and Exiles". *Centro Journal*, no. 22 (2), pp. 50–73.

De Donno, F. (2021) Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada. *Journal of World Literature*, no. 6 (1), pp. 103–122.

Dorfman, D. (2021) The Weight of National Identity. Nation And Tradition of Translingual Writers. *Linguistica y Literatura*, no. 80, pp. 69–81.

Heidegger, M. (1996) *Being and Time*; translated by J. Stambaugh. State University of NY Press. 487 p.

Kellman, S. G. (2019) Translingual Writers: Introductory Notes. *Polylinguality and Transcultural Practices*, no. 16 (1), pp. 9–12. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>

Pu, R. Q. and Li, H. F. (2019) The Translingual Expressions in Overseas Chinese English Writings. *Interdisciplinary Studies of Literature*, no. 3 (2), pp. 257–271.

Rahimi, A. (2019) Writing Exile. *Journal for Cultural Research*, no. 23 (2), pp. 215–219.

Sorvari, M. (2018) Altering language, transforming literature: Translingualism and literary self-translation in Zinaida Linden's fiction. *Translation Studies*, no. 11 (2), pp. 158–171.

Weininger, M. (2016) Language Politics: The Boundaries of Homeland and Translingual Israeli Literature. *Studies in The Novel*, no. 48 (4), pp. 477–493.

Submission date: 22.07.2023.

Acceptance date: 06.09.2023.